

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
26 (89)

ФИЛОЛОГИЯ
И
ИСТОРИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

ЭФИОПСКИЙ ЗАУПОКОЙНЫЙ СБОРНИК «СВИТОК ОПРАВДАНИЯ»

Произведение эфиопской магической литературы, известное под названием «Свиток Оправдания», принадлежит, пожалуй, к наиболее изученным эфиопским памятникам подобного рода письменности. Его распространенность, своеобразие и очевидная древность происхождения привлекли заслуженное внимание исследователей.¹ «Свиток Оправдания» отчетливо выделяется из ряда прочих произведений эфиопской магической литературы прежде всего своей функцией. В отличие от других эфиопских магических свитков, которые должны охранять своего владельца от всякого зла на его жизненном пути, «Свиток Оправдания» предназначен служить ему после смерти, обеспечивая владельцу божью милость и благоприятный исход Страшного суда. О таком назначении рассматриваемого произведения говорит сам текст «Свитка»: «Кто приобретет сию книгу, не сойдет в осуждение и во ад. Кто будет носить ее и обернет ею шею, очистится от нечистоты грехов. Кто будет повторять ее по словам во время литургии, тому оставятся грехи. Если сделает при погребении его трижды сею книгою Печать Соломона, ангелы проведут его в тесные врата и введут пред бога во царствие небесное.»² И действительно, по свидетельству этнографов, «Свиток» погребают вместе с его владельцем, обертывая им покойника с ног до головы таким образом, чтобы «Свиток» перекрещивался на груди.³ Этот крест на груди, а также то, что этот обычай разрешен эфиопской церковью,⁴ свидетельствуют о христианском влиянии на погребальный обряд, но обертывание покойника напоминает древнеегипетскую мумификацию.⁵

На связь «Свитка Оправдания» с древнеегипетским погребальным культом вообще и с «Книгой Мертвых» в частности указывали многие исследователи.⁶ Как и «Книга Мертвых», «Свиток Оправдания» не имеет строго определенной формы и является довольно беспорядочным нагромождением различных повествовательных отрывков, молитв и магических формул. Известный русский египтолог и эфиопист Б. А. Тураев писал по этому поводу: «Прежде всего ясно, что он (т. е. «Свиток Оправдания», — С. Ч.) представляет не собрание отреченных молитв, а чисто внешнее соединение формул и повествовательно-апокалиптических трактатов, причем

¹ Тураев Б. А. Свиток Оправдания. — В кн.: Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина (Зап. имп. Русского географ. об-ва по отделению этнографии, т. XXXIV). СПб., 1909, с. 359—378; B u d g e W. The Bandlet of Righteousness. London, 1929; E u r i n g e r S. Die Binde der Rechtfertigung. — *Orientalia*, 1940, XI.

² Тураев Б. А. Свиток Оправдания, с. 363—364.

³ G r i a u l e M. Mythes, croyances et coutumes du Begameder (Abyssinie). — *Journal Asiatique*, 1928, t. 212, p. 99.

⁴ W a l k e r C. H. The Abyssinian at Home. London, 1933, p. 53.

⁵ J ä g e r O., R e i h e r w e r d e r A. Äthiopische Zauberrollen und ihre Bilder. — *Baessler-Archiv*, N. F., 1966, Bd. XIX.

⁶ *Ibid.*, p. 144; Тураев Б. А. 1) Свиток Оправдания; 2) Египетская литература. М., 1920, с. 193, 197.

количество, объем и даже порядок формул не везде одинаковы. В этом отношении наше произведение удивительно напоминает египетскую Книгу Мертвых, также представляющую соединение „глав“ самого разнообразного содержания и разнообразного в различных списках количества». ⁷ Кроме структурного сходства, эти произведения объединяет и их основная идея. Это идея могущественного «тайного имени бога», знание которого дает власть не только над силами природы, но и над самим богом. Подобный взгляд присущ магическим представлениям всех народов, его выражение можно найти и в ассирийских заклинаниях, где бог Силиг-Мулухи обращается к своему отцу, верховному богу Эа, чтобы тот открыл ему свое «тайное имя», ⁸ и в бесконечных перечнях «сокровенных имен», заполняющих эфиопские магические свитки. Однако именно в Египте вера в могущество «тайного имени бога» выросла в магический культ бога Тота, на основе которого и возник заупокойный сборник «Книга Мертвых».

Что касается эфиопского заупокойного сборника, то есть основания полагать, что «Свиток Оправдания» также имеет связь с определенным погребальным обрядом. В пользу такого предположения говорят результаты сравнения текстов «Свитка» с текстами эфиопского погребального тревника «Мэцхафе Гэнзет» — «Книги Погребения». ⁹ Оба памятника весьма близки между собой, и иногда в тревнике «Мэцхафе Гэнзет» наряду с заупокойными службами можно найти и тексты «Свитка Оправдания». ¹⁰ Близки они и текстуально. «Свиток Оправдания» именуется также «книгой, исшедшей из Иерусалима горнего, которая написана «для разрешения грехов, и спасения, и пользы, и жизни душе и плоти». Такое же название имеет и тревник «Мэцхафе Гэнзет». Совпадают и отдельные мотивы обоих произведений, например мотив «богоданности» и мотив «найденности», свойственный и «Книге Мертвых». ¹¹ Некоторые «главы» эфиопского тревника и «Свитка» имеют не только одинаковое название, но и почти дословно схожи между собою: например «Молитва прохождения неба», заглавие которой удивительно напоминает «Изречение открытия, отверстия неба Тотом», — название одной из «глав» «Книги Мертвых». ¹² Подобная близость двух рассматриваемых эфиопских произведений дает, по нашему мнению, основание предпологать, что и «Мэцхафе Гэнзет», и «Свиток Оправдания» восходят к одному источнику — весьма древнему и разработанному погребальному культу. Основная идея этого культа — существование некоей богоданной книги, приобретение которой подобно египетским ушебти гарантирует владельцу счастливый исход Страшного суда и благополучие в загробной жизни, что приближает этот магический по своему характеру культ к аналогичному древнеегипетскому культу Тота. Интересно отметить, что гностическая по своему характеру идея «книги», которая служит своему владельцу своеобразным пропуском в рай и охранной грамотой от «аггелов тьмы» в загробном мире, не чужда эфиопскому христианству. В «Анафоре Трехсот», одной из двенадцати анафор эфиопской церкви, такая «книга» упоминается в описании божьего престола: «Вокруг престола — двадцать четыре священника, а перед ними — образ агнца, и одеяния, кровью запятнанного, и книги запечатанной». ¹³ Если вспомнить, что, по тексту «Свитка Оправдания», Иисус Христос, обращаясь к богу-отцу с просьбой дать ему «Свиток», описывает его следующим образом: «Дай мне Книгу Жизни, которую написал ты рукой

⁷ Тураев Б. А. Свиток Оправдания, с. 375.

⁸ Миллер В. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры. — Русская мысль, 1896, кн. 17, с. 71.

⁹ Maṣḥafa Genzet. Roma, 1900.

¹⁰ Тураев Б. А. Свиток Оправдания, с. 359.

¹¹ Budge W. The Book of the Dead. London, 1922, p. 4.

¹² Тураев Б. А. Египетская литература, с. 131.

¹³ Qedāsē Salastū Me'et. Maṣḥafa Qedāsē. Addis Ababa, 1956.

твоей святою прежде, чем родился я от Марии, и которая пребывает на колеснице Херувимской на престоле твоём»,¹⁴ становится ясно, что и в анафоре, и в «Свитке Оправдания» речь идет об одной и той же «книге». Эта гностическая идея проникла в эфиопские анафоры, вероятно, через коптское посредство, так как они считаются переводами коптских оригиналов, большая часть которых до нас, к сожалению, не дошла.

Эфиопский «Свиток Оправдания» начинается апокрифическим повествованием о том, как дева Мария, увидев своих родственников, страдающих в аду, просит Иисуса Христа открыть ей такое средство, которое могло бы спасти их от адского пламени. Иисус отказывает ей, но Мария плачет и умоляет сына, и тот вынужден просить разрешения у своего небесного отца открыть ей такое средство — «сокровенные и могущественные имена божии». Эта сцена напоминает древнеегипетское повествование о том, как Исида добивалась у Ра знания его тайного имени. Хотя дева Мария обещает Иисусу не открывать имена божии «людям безумным, которые не ищут славы небесной и не пренебрегают славой земной», но суть произведения от этого не меняется: вопрос о спасении человека от адского пламени и достижении им царствия небесного решается не в зависимости от его добродетелей, а прежде всего от того, знает ли он «сокровенные имена бога». Это отсутствие христианской идеи воздаяния весьма характерно при сравнении с «Книгой Мертвых»: «Египтянин шел в загробный мир не столько полагаясь на свою праведность, сколько на свиток оправдания пред Осирисом и победу над чудовищами мрака — тексты пирамид и Книгу Мертвых, причем не упускал случая сойти за бога, перечислить его имена и уверить опасные для него существа, что он знает их, знает и имена их».¹⁵ И хотя в эфиопском «Свитке Оправдания» прямо о таком «подлоге» не говорится, в уста Иисуса Христа вкладывается обещание, что «верующему в эти имена мои они будут для жизни и спасения».

При сравнении этих двух произведений, древнеегипетского и эфиопского, создается впечатление, что отдельные элементы «Книги Мертвых» прямо перекочевали в «Свиток Оправдания». Таковы, например, названия некоторых фрагментов «Свитка»: «Молитва от мучения смерти» и упоминавшаяся выше «Молитва прохождения неба». Последняя интересна и тем, что она обращена непосредственно к Христу, как «Книга Мертвых» обращена к Тоту. Эфиопские «аггелы мрака», упоминающиеся в «Молитве прохождения неба», которые не должны стать «преткновением душе» покойного благодаря «Свитку», соответствуют чудовищным стражам «Книги Мертвых», а «воротам» древнеегипетского памятника соответствует эфиопский мотив «тесных врат», «врат жизни и спасения». «Молитвы», входящие в «Свиток Оправдания», написаны от имени его владельца, как магические формулы «Книги Мертвых» вкладывались в уста египетскому покойнику.

Основной фигурой «Свитка Оправдания» является Иисус Христос. Его роль в этом произведении интересна тем, что он здесь выполняет функцию, аналогичную функции бога Тота в «Книге Мертвых». Тот выступает как автор магических формул «Книги Мертвых», «владыка» их;¹⁶ именно он оказывает непосредственное содействие покойнику в загробном мире,¹⁷ он собственными перстами пишет для египтян «Книгу дыхания». То же мы находим в эфиопском «Свитке», где Иисус Христос пишет его «златую тростью» и называет своим даром. К Христу обращены мольбы владельца «Свитка», чтобы тот помог ему, «когда умру я и когда отде-

¹⁴ Тураев Б. А. Свиток Оправдания, с. 363.

¹⁵ Там же, с. 378.

¹⁶ Тураев Б. А. Бог Тот. — Зап. историко-филолог. факультета Петербургского ун-та, 1898, ч. 46, с. 21.

¹⁷ Там же, с. 31.

дится душа моя от плоти моей». Иисус Христос подобно Тоту выступает в роли автора магических формул, защищающих людей от врагов и злых сил на том свете.¹⁸ Таинственные имена, сообщаемые людям Иисусом Христом, подобно именам, владыкой которых был Тот, должны служить тем орудием, при помощи которого покойный мог преодолеть загробные препятствия. Как Тот осуществляет свою функцию защитника людей по назначению верховного бога Ра,¹⁹ так и Иисус Христос дает Марии «Свиток Оправдания», испросив предварительно разрешение своего небесного отца. Подобно Тоту, который, по выражению Б. А. Тураева, «как бог-маг, вооружает покойного формулой против самого себя как судьи»,²⁰ Иисус Христос, несмотря на свое нежелание открывать людям свои имена как верное средство спастись от наказания за грехи, всё же пишет и дает им «Свиток». Нежелание свое он объясняет Марии вполне естественно: «Не скажу тебе, ибо, что сказано одному, переходит к другому, и от другого к третьему, и потом распространится среди всех людей, и они будут грешить и скажут: „Есть у нас, чем мы можем спастись“.²¹ Тем не менее он дает эту книгу и обещает, что «если положат покойника с этой книгой, то не умрет он, а будет жив в последний день, день воздаяния и суда, и будет помилован». Таким образом, к Иисусу Христу в нашем произведении вполне применимы слова Б. А. Тураева о роли Тота в «Книге Мертвых»: «Но на этот раз бог премудрости и правды сводит этот нравственный элемент почти на нуль. Он учит покойника формулам, делающим безопасными его судей: знание этих формул и имен судей делает нравственную чистоту излишней . . . его роль милостивого покровителя покойника иногда берет верх над функцией справедливого прототипа египетского чиновника и покровителя точных наук: он позволяет себе перетягивать весы в пользу покойника».²²

Многочисленные имена, благодаря которым гарантируется царствие небесное владыкцу «Свитка Оправдания», также весьма интересны. Некоторые из них подобны аналогичным именам «Книги Мертвых», «где проявилась во всей силе этимологическая страсть, или, вернее сказать, ненасытная потребность аллитераций и игры слов древних египтян, особенно в магических текстах, где на сочетание звуков обращалось преимущественное внимание и смысл оставался нередко неясен даже для самих произносивших».²³ Определить происхождение подобных имен трудно, иногда просто невозможно. Имеем ли мы дело с древнеегипетскими заимствованиями или здесь сказалась своя, эфиопская, страсть к аллитерациям — явлению обычному в мировой магии, — вопрос открытый. Прочие же имена можно разделить на две категории: восходящие к еврейским и греческим корням. Возможно, последние могут служить указанием на коптское посредство в появлении этого произведения на эфиопской почве, так как они встречаются и в коптской магической литературе.

Вопрос о путях проникновения этого произведения в Эфиопию весьма сложен. При всей близости «Свитка Оправдания» к «Книге Мертвых» трудно предположить, что эфиопский заупокойный сборник непосредственно восходит к древнеегипетскому. Огромный хронологический разрыв между этими памятниками и полное отсутствие каких-либо данных о культурных контактах между Древним Египтом и Эфиопией говорят не в пользу такого предположения. «Крайне показательно, — писал И. Ю. Крачковский, — что в Аксуме до сих пор не найдено ни одного предмета, напоминающего египетское искусство — ни статуэток, ни маленьких Изид и

¹⁸ Там же, с. 75.

¹⁹ Там же, с. 49.

²⁰ Там же, с. 44.

²¹ Тураев Б. А. Свиток Оправдания, с. 362—363.

²² Тураев Б. А. Бог Тот, с. 52.

²³ Там же, с. 10.

Озирисов из бронзы, фаянса или терракоты, ни египетских стел».²⁴ Апокрифическое сказание о том, как дева Мария просила за людей Иисуса Христа, которое составляет эпическую часть «Свитка Оправдания», наводит на мысль о существовании определенного (очевидно, христианского) культурного посредничества между рассматриваемыми памятниками. Наиболее плодотворной в этом отношении представляется гипотеза о коптском посредстве, так как в коптской среде древнеегипетский заупокойный сборник мог приобрести ту христианскую окраску, которую мы видим в «Свитке Оправдания». Коптское посредство способно объяснить и тот пиетет со стороны эфиопской церкви к рассматриваемому сборнику, благодаря которому отдельные отрывки из него попали в христианский погребальный трепник «Мэцхафе Гэнзет», так как авторитет коптов всегда был весьма высок.

И хотя коптский прототип «Свитка Оправдания» науке неизвестен, имеются некоторые косвенные данные, говорящие в пользу коптского посредства. В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на другое произведение эфиопской магической литературы, известное под названием «Парфянской молитвы», под которым его перевод был опубликован Рене Бассе.²⁵ Один список этого памятника имеется и в рукописном собрании ЛО ИВАН, но под другим названием — «Молитва владычицы нашей Марии, исшедшая из Иерусалима».²⁶ «Молитва» и «Свиток» различны и по содержанию, и по композиции. В отличие от «Свитка» композиция «Молитвы» весьма стройна. «Молитва» содержит повествование о том, как при помощи многочисленных заклинаний Мария вызывает Иисуса Христа. Увидев торжественный выход своего сына, окруженного ангельским воинством, она лишается чувств, но Иисус поднимает ее, выслушивает многочисленные просьбы о ниспослании благ тем людям, которые почитают ее, и клянется пространными клятвами, обещая этим людям защиту от болезней и нечистой силы в этом мире и спасение их душам в мире загробном. В отличие от «Свитка» здесь главное внимание уделяется не «сокровенным именам Божиим», а клятвам и обещаниям Христа. Тем не менее некоторые обещания Иисуса Христа сходны с обещаниями в «Свитке Оправдания»: «И все, носящие эту молитву, будут спасены от всех бедствий, и от страданий, и от болезней тяжких. И если будет у него болезнь несмертная, подниму я его быстро, в мгновение ока. И если будут у него грехи, то оставятся они ему. И если будет у него болезнь смертная, пошлю я ему ангелов света, дабы взяли они душу его в свет и привели ко мне, дабы не приблизились к нему и не забрали с собою ангелы свирепые. И если воспротивятся ему духи нечистые у входа в третье небо, заступлюсь я за него и буду ему в помощь» (перевод наш, — С. Ч.). Однако на этом сходство со «Свитком Оправдания» и ограничивается. Но, в отличие от «Свитка», нам известен коптский прототип эфиопской «Молитвы».²⁷ Этот памятник, будучи не менее эфиопской редакции, строен композиционно, по содержанию гораздо ближе к «Свитку Оправдания» (вернее, к эпической его части), нежели эфиопская «Молитва». Если нам неизвестен коптский прототип «Свитка», то «Молитву», опубликованную В. Крумом, можно с полным основанием считать прототипом того апокрифического сказания, которое составляет эпическую часть «Свитка Оправдания».

Рассматривая древнеегипетскую «Книгу Мертвых», коптскую «Молитву» и эфиопский «Свиток Оправдания», можно заметить, что последний соединяет в себе композицию и назначение древнеегипетского памятника и апокрифический сюжет коптского. Признавая генетическую связь между ними, следует, видимо, рассматривать «Молитву» как боковое ответвление

²⁴ Крачковский И. Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955, с. 33.

²⁵ Basset R. Les apocryphes éthiopiens. Paris, 1896.

²⁶ Рукописное собрание ЛО ИВАН СССР, № Эф. 56.

²⁷ Grum W. E. A coptic palimpsest.— Proc. of the Society of Biblical Archeology, May, 1897.

от прямой линии заупокойных сборников, потерявшее свою связь с погребальным культом, по всей вероятности, уже на коптской почве. Эфиопская же «Молитва» является дальнейшим развитием коптского сюжета, вошедшего в «Свиток Оправдания». Все это позволяет, по нашему мнению, предполагать именно коптское посредство между древнеегипетским и эфиопским заупокойными сборниками и существование коптского прототипа «Свитка Оправдания».

S. B. Chernetsov

«THE JUSTIFICATION ROLL» COLLECTION OF ETHIOPIC FUNERARY TEXT'S

The analysis of Ethiopian «Bandleet of Rightneousness» shows its close proximity to the «Book of Dead» of Ancient Egypt. Among other features the role of Jesus Christ, who is claimed to be the auther of «Bandleet», is identic to those of Tot, who was the scribe of the «Book of Dead». It is obvious, however, that the «Bandleet» could not be borrowed directly from Ancient Egypt. To all probability it is Coptic literature, which served cultural mediator between Ancient Egypt and Ethiopia. If so, we should shuggest the existence of Coptic prototype of «Bandleet of Righteousness», which should be a Christianized reduction of Egyptian «Book».
